

В.Я. Шишков

Емельян Пугачев Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Ш65

Ш65 **Шишков В.Я.**
Емельян Пугачев Книга 2 / В.Я. Шишков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 504 с.

ISBN 978-5-458-03365-7

Историческая эпопея выдающегося русского советского писателя В.Я.Шихова (1873-1945) рассказывает о Крестьянской войне 1773-1775 гг. в России. В центре повествования — сложный и противоречивый образ предводителя войны, донского казака Е. И. Пугачева.

ISBN 978-5-458-03365-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© В.Я. Шишков, 2024

Вячеслав Яковлевич Шишков
Емельян Пугачёв

Книга 2

Часть 1

Глава 1.

Строители столицы. Заморские диковинки. Возле хмельного чана.

1

Молодой Санкт-Петербург застраивался, хорошел.

Нева, Фонтанка, Мойка, каналы одевались в тесаный гранит.

Отечественные и западноевропейские зодчие состязались в искусстве воздвигать величественные дворцы, хоромы вельмож, казенные палаты, храмы.

Многие десятки тысяч крестьян, покинув убогие, под соломенными кровлями, деревни, устремлялись на заработки в Петербург, чтоб скопить деньжонок на уплату оброка помещику. Чрезмерным трудом, ценою болезней, а нередко и смерти, влача зачастую существование беспризорных псов, они с большим рвением приукрашали царствующий город.

В иные незадачливые годы, когда лихорадки, желудочные заболевания и другие недуги нещадно косили строительных рабочих, пятая часть их ложилась «костями» в заболоченные земли Петербурга, и тысячи кормильцев не возвращались к своим семьям.

Рабочий люд стремился в столицу со всех концов страны. Из Белоруссии двигались землекопы, из Ярославской губернии — каменщики, штукатуры и печники, из Костромской — плотники, столяры, из Галичского уезда — «комнатные живописцы» и маляры, Олонецкий край давал мраморщиков и гранильщиков. «Мастера книгопечатания» были главным образом зыряне, выходцы из Вологодской губернии. Тульский край доставлял коновалов, кучеров и дворников, Тверская губерния — сапожников.

Только по одной московской большой дороге ежегодно проходило через заставу в Петербург до двадцати тысяч пешеходов. Да немалое число крестьян приплывало в столицу водой на плотах, баркасах и баржах с грузом строительных материалов.

Еще с зимы разъезжали по деревням мелкие подрядчики из ловких москвичей и ярославцев или приказчики крупных подрядческих контор. С разрешения помещиков они вербовали крестьян, давали им в задаток по рублю на семью, заносили в шнуровые книги, ставили условие быть в столице к пасхе, к началу строительных работ.

С весны Петербург становился оживленным, многолюдным. Через все заставы вливались в город партии крестьян, прибывших со своими старостами на строительные работы. Ежели староста бывалый человек, он вел артель сразу к квартире подрядчика. Большинство же пришельцев, с пилами, топорами, сундуками, кошельми, валяло на площадь возле Синего моста чрез Мойку, невдалеке от дворца графов Чернышевых. Здесь издавна было нечто вроде биржи труда — место найма рабочих, прислуги, а иногда и продажи рабов. Огромное скопище народу уже часов с четырех утра занимало всю площадь, оба берега Мойки, мост.

Одни, сбросив с плеч инструменты, стояли, опершись на заступ или заложив мозолистые руки за спину, другие сидели на парапетах, на камнях, а третьи, утомившись, спали прямо на земле, положив под голову берестяной кошель.

Сбитенщики, пирожницы, лоточники, что «под брюхом лавочку носят», сновали между крестьянами.

— А вот сбитню горячего!..

— Кэ-эпченой рыбы!.. Сиги-и, стерляди! Кэ-эпченой рыбы!

— Пирожков крупчатых, пирожков!

Мужики облизывались, сплевывали, крутили бородами — им не до пирожков: эвот полдни скоро, а рабочего народу нисколь не убывает... Чего ж это хозяева-то не идут?

Но вот подъезжают, подходят приказчики, мелкие подрядчики. От артелей отделяются старосты, вступают в торг с нанимателями. Торг идёт и час, и два. Старосты божатся, бьют себя в грудь, указывают руками на артель: «Да ты, милый, глянь, какие молодцы-то!.. Да они черта своротят... Прибавляй, не обижай землекопов-то...»

Староста Пров Лукич сбавляет по полтине, подрядчик прибавляет по гривеннику. «Тьфу ты, скупердяй!» — плюет староста и отходит к своим посовещаться. Подрядчик, насулив обидно малую цену, идёт дальше.

Тогда вся артель кричит ему:

— Стой, стой!.. В согласьи мы... Эх ты, сквалы-ы-га! Время зря проводить не охота, а то бы...

— А не хотите, как хотите. На ваше место тыщи набегут... Только свистни! — Подрядчик, в синей чуйке, нахлобучивает картуз со светлым козырем и машет мужикам рукою:

— Ладно, шагай за мной, ребята!

— Айда, братцы! — И вся артель в тридцать человек зашевелилась.

Артельная стряпуха, курносая, толстощекая, изрытая оспинами Матрена, взвалила на загорбок мешок с добром, продела руки в лямки, приготовилась идти.

— Будите рыжего-то. Ишь, черт, храпит, словно у себя на полатах! Эй, Матюха, вставай, дьявол!

— Да никак он нажравшись! Три ему уши хорошенько. Митька, Митька!

Двинулись, расталкивая толпу локтями. Рыжебородого пьяного Митьку ведут под руки; глаза у него закрыты, он с трудом переставляет ноги.

Вот на паре вороных подъехал в великолепном экипаже крупнейший столичный подрядчик Барышников. Не вылезая из фэтона, он отдавал приказания двум подбежавшим к нему приказчикам:

— Вы, ребята, за рублем не гонитесь. Сулите цену настоящую — лучше стараться будут. Да и жрать станут посытней — глядишь, и хворости середь них помене будет. А то учнут животами маяться, работы не жди!

— Так-с, так-с, так-с, — подобострастно поддакивали приказчики. — Число душ по спискам прикажете?

— Даже сверх можно! Плотников занадобится первой руки полсотни человек, второй — сотню. Каменщиков — человек триста пятьдесят, достальных по списку...

— Этак, Иван Сидорыч, восемьсот душ выйдет, — замечает один из приказ-

чиков, — а подвалов-то у нас снято на четыреста...

— Ну, ежели на четыреста сняли, так туда и всю тысячу вбькать можно.

Не господа, не подохнут!

Барышников приказал толстозадому кучеру (в клеенчатой шляпе и в запашном, синего сукна, кафтане с талией под мышками) ехать к Казанскому собору, затем на угол Невского и Владимирской, затем на Сенную площадь и Никольский мост. Во всех этих местах пильщики, маляры, каменщики, чернорабочие каждый божий день терпеливо ожидают найма. Барышников велел своим многочисленным десятникам завербовать не менее двух тысяч человек.

Он участвовал в постройке огромного дворца для графа Григория Орлова, а также в облицовке гранитом берегов Мойки.

В позапрошлом году от строительных работ Барышников положил в карман сорок тысяч чистоганом, в прошлом — шестьдесят, а нынче, «ежели божья воля будет», собирается он нажать не менее сотни тысяч. Да еще откупа приносили Ивану Сидорычу огромные доходы. Теперь он был по-настоящему богат.

С тех пор как продал он земляку свой питерский трактир, Барышников заметно пополнел, как будто стал выше ростом; он записался в купеческую гильдию, со вкусом одевался в немецкое платье, имел для выезда карету и четверку кровных лошадей, снимал хорошую квартиру. Теперь Иван Сидорыч больше походил на богатого провинциального помещика, чем на бывшего прасола и дельца, во время Семилетней войны ограбившего фельдмаршала графа Апраксина.

Его неотвязно обольщала мысль заделаться помещиком, быть неограниченным владельцем живых душ. Но, при всем своем богатстве, он оставался человеком низшего сословия, что лишало его права приобрести на свое имя землю с крепостными крестьянами.

Впрочем, закон строг и незыблем лишь для сырых и смиренных, богатому же да нахрапистому человеку всякий закон не трудно обойти. В конце концов Барышников может скупить сколько угодно земли и сколько угодно мужиков не лично на себя, а на любое подставное лицо. Уж кому-кому, а Ивану-то Сидорычу Барышникову найти для такой роли верного человека не составляло труда: ему вся знать знакома, даже есть кой-какая зацепка и при дворе.

2

День был праздничный, солнечный. Возле Синего моста любопытства ради чинят променады петербургские щеголи: канцеляристы из коллегий, стряпчие, молодые офицеры, приказчики-гостинодворцы, заезжие помещики с женами и прочий праздный люд.

У Синего моста стоят шеренгой желающие наняться в услужение: толстобрюхие, румяные повара при фартуках и в белых колпаках, конюхи в безрукавках и начищенных сапогах, бородатые дворники с метлами. Вот отдельная группа чисто одетых, подтянутых, бритых, припудренных молодцов.

Это — лакеи. Они нагло и презрительно поглядывают на проходящих скромных барынек, но пред светскими господами, подъезжающими на рысаках, вытягиваются в струнку, отвешивают манерные поклоны, придавая своим лицам рабски покорное выражение.

— Послушай, как тебя... Выйди! — манит мизинцем, вылезши из кабриоле-

та, знатный барин.

Лакей стремительно вырывается вперед, останавливается — руки по швам — перед господином, чуть набок склоняет голову, весь превращается во внимание. Слух его ловит несколько небрежно брошенных вопросов:

— Сколько лет? Где служил? Как звать? Почему меняешь службу? Есть ли рекомендации? Вольный или крепостной?

Не повышая голоса, стараясь придать фразам особую заученную интонацию и выразительность, отчетливо и внятно лакей отвечает господину. Тот оглядывает с головы до ног стройную, рослую фигуру молодца, красивое лицо его с быстрыми, смысленными глазами. «Человек» ему нравится.

— Грамотен ли ты, Жан?

— Да, ваше сиятельство. Читаю книги, романы, почерк в письме имею добрый. В случае семейного торжества могу составить пиитическое приветствие. При досуге исполняю на скрипиче заунывные и веселые пьесы.

— Давно ли из деревни, Жан?

— Седьмой год, ваше сиятельство. Прямо от сохи. Грамоте обучался самоуком, при досуге...

Барин немало дивится способностям будущего своего лакея, говорит ему:

— Сегодня же обратись в мою контору... Знаешь? Там тебе объявят условия и зачислят в штат.

— Мерси бьен, ваше сиятельство. — И Жан — или, как он числился по паспорту, крепостной помещика Трегубова, Иван Пряников, — одернув фрак и набекренив поярковую шляпу, пошагал к месту своего нового служения.

В другой части города, на Никольском мосту, стояли старые и молодые няньки и кухарки, в повойниках, платочках, чепчиках. За ними — живописная шеренга рослых, полнотелых кормилиц. Они в цветастых сарафанах, в тончайшего полотна белейших сорочках с пышными рукавами и в высоких кокошниках, чрез шею — связки бус. У некоторых на руках младенцы.

Малокровные петербургские барыньки в сопровождении лакеев или горничных, с пренебрежением проходя мимо низкорослых, щупленьких кормилиц, направляются то к одной, то к другой краснощекой, дородной женщине. Они просят кормилиц расстегнуть сорочку, пристально осматривают груди, щупают их, желая определить, достаточно ли туги, избыточно ли могут дать молока.

Сухопарая, в седых локонах, старуха, за которой лакей бережно таскает на руках жирного мопса с прикушенным кончиком языка, осмотрев молодую женщину, сказала ей:

— Я тебя, голубушка, пожалуй, возьму. Я беру мамку для своей дочки, адмиральши, — ей бог даровал сына-первенца. Скажи, ты крепостная али вольная? И кто твой муж? И как тебя зовут?

— Зовут меня Татьяной. А мужа у меня нету, барыня. Я вдова. Да я вам опосля расскажу, вы будьте без сумления, — стыдливо опустила Татьяна синие, под темными ресницами, глаза. Ей и впрямь совестно было рассказывать о себе чужой барыне.

Жизнь молодой Татьяны сложилась так. Ее, сироту, девчонкой купил за семь рублей забулдыжный офицерик из мелкопоместных дворян, некто Вахромеев. Был он пьяница и картежник, жил на Литейной, в квартире из трех маленьких комнат. Сам занимал две комнаты, а в темной, выходящей окном в стену, жили

три молодые купленные им девушки. Новую, Татьяну, поселил он в каморке под лестницей. Девушки ежедневно уходили к мастерице-швее, с утра до ночи обучались шитью и вышиванию гладью. Стала к швее ходить и Татьяна.

Из рассказов старого солдата, коротавшего жалкую жизнь в кухне и бесплатно работавшего на офицера в должности денщика, стряпухи, няньки и прачки, Татьяна узнала, что офицер за пять лет скупил до тридцати молоденьких девчонок. Он обучал их какому-либо ремеслу, а когда они входили в возраст, развращал их; красивых иногда сдавал выгодно в аренду на месяц, на два своим холостякам-сослуживцам, затем перепродавал девушек с большим барышом в качестве домашних портних, кастелянш или горничных, а на их место приобретал за гроши новых. Он кормил своих рабынь скудно, одевал плохо, потому девушки волей-неволей должны были тайком от господина снискивать себе пропитание. Вечерами они заглядывали в кабачки или на купеческую пристань с целью подработать деньжонок своими прелестями. По словам денщика, одна из девушек года три тому назад заболела дурной болезнью и заживо сгнила, другая от тоски повесилась, третья бросилась в Неву, но была спасена. Офицеру все это сходило с рук.

Был случай при Татьяне. Пришли к офицеру три торговца коврами, три чернородых перса, ради покупки девушек на вывоз в Персию. Показывая товар лицом, офицер велел трем девушкам раздеться. Персы пришли от молодых красоток в восхищение и, не жалея денег, купили их по триста рублей за душу — цена по тому времени необычайно высокая. Так как закон воспрещал продавать живой товар на вывоз за пределы государства, то офицеру Вахромееву пришлось в обход закона, по совету стряпчего, составить с персами официальное договорное условие, по которому хозяин отдавал девушек якобы в обучение ковровому мастерству сроком на двадцать пять лет каждую.

Девушки с отчаяния, что их вскорости увезут невесть куда — на чужбину, предались столь неутешному рыданию, что на их вопли сбежался со всего квартала народ.

— На расправу! Офицера на расправу! Персюков на расправу! Бей их! — шумел, осведомившись о причине девичьего горя, народ. В окна квартиры Вахромеева полетели камни.

Явившийся наряд полиции, установив, что сделка совершена на законном основании, нагайками разогнал толпу. Защиты и спасения проданным девушкам не было.

Войдя в возраст, Татьяна стала любовницей офицера. Она ненавидела своего тирана, но, чтобы избавиться от постыдной жизни, у нее были только два пути: побег или самоубийство. Но бежать — это значит быть пойманной, наказанной кнутом и снова водворенной к господину. Оставалась смерть!

Умирать Татьяне не хотелось. Она неустанно молила бога, чтоб лиходей скорей продал её в какое-либо семейство. Но Вахромеев привязался к ней и не желал с ней расставаться. Она забеременела от него и родила.

Однако настал конец. Офицер проиграл в карты казенные деньги, его пришли арестовать; он схватил пистолет и застрелился. Что же после этого произошло с Татьяной? Нашлись добрые люди, которые помогли ей стать вольной. Дело разбиралось в одном из столов юстиц-коллегии. Дознано было, что самоубийца не имеет наследников, кроме новорожденного сына, мать которого, Татьяна Пирогова, крепостная самоубийцы, после судебного разбирательства объявлена

вольной.

Через неделю ребенок умер, и вот Татьяна решила попытать счастья в кормилицах.

Пока барынька осматривала молодую женщину, вся недолгая жизнь промелькнула в её сознании, как тяжелый сон. Ей едва минуло девятнадцать лет, но глаза её задумчивы и скорбны. Только одно тяжелое видела она в жизни и на собственном опыте убедилась, что каждый человек имеет свою страшную судьбу, исполненную несчастий. «Пройди сквозь всю землю, ни единого человека не сыщешь счастливого», — говаривал бывало девушкам мудрый старый денщик офицера-самоубийцы.

Все это пришло Татьяне как-то вдруг, и такое смятение охватило её душу, что она почти ничего не слыхала, о чем расспрашивала её барыня.

— Три рубля в месяц будешь получать на всем готовом. Согласна ли?

— Согласна, — ответила Татьяна и, всхлипнув, заплакала.

— Идем. Кормилицам плакать нельзя, молоко прогоркнет. Садись на дрожки, милая... Степка, пошел!

Шестидесятилетний беззубый Степка зачмокал, задергал вожжами. Дрожки двинулись, затарахтели, увозя свободную Татьяну из плена в плен.

3

Солнце светило ярко, по-весеннему. Косые лучи его оживляли стройную перспективу улиц, кудрявую молодую зелень в садах и скверах, праздничные группы нарядно разодетых прохожих, лакировку шикарных карет, лоск выхоленных рысаков, легкие крылья порхающих в небесной синеве белых голубей.

Белокипенными брызгами рябилась Нева, а золотой шпиг собора Петропавловской крепости, подобно огнеоносному копыю, вонзался в небо.

Многочисленные челны, душегубки, лодки да нарядные, разукрашенные резьбой «рябики» знатных вельмож, правительственных коллегий и частных предпринимателей скользили по каналам, Фонтанке, Мойке и Неве. Этих любимых жителями средств передвижения было в столице не меньше, чем лошадиных упряжек. На иных рябиках гуляли по праздничному делу пьяненькие, с гармошками, песнями, балалайками и выпивкой. Шумно и весело было на воде.

Вот увеселительный рябик князя Юсупова, похожий своим убранством на богатую венецианскую гондолу; в корме — просторный балдахин, украшенный портьерами малинового бархата с мишурной золоченой бахромой, в середине — места для двенадцати гребцов, в носу — хор песенников. Рябик играет под солнцем яркими красками, резьбой и позолотой. Гребцы сильные, загорелые красавцы, одеты в шитые серебром, вишневого цвета куртки, на головах шляпы с пышными перьями. Под балдахином старая княгиня с внуками — девочкой и мальчиком, два лакея, калмычонок в красном жупане, немка с англичанкой.

Хор песенников в двадцать человек складно запекает:

Как у ключика у гремучего,

У колодезя у студеного

Добрый молодец сам коня поил,

Красна девица воду черпала...

Протяжная грустная песня плавно катилась над невскими водами.

— Суши весла! — скомандовал из-под балдахина молоденький барчонок в

морской форме.

Белые весла были враз подняты. Вода стекала с лопастей хрустальными брызгами. Гребцы дружно пристали к хору. И как только ударила песня, на всех ближних рябиках сразу все смолкло. Как маленькие рыбешки, они окружили просторный рябик Юсупова и, держась на некотором от него расстоянии, всей флотилией двинулись вслед за ним по течению.

Старинная русская песня своим словесным складом и величием напева всех очаровывала, будила в сердце давно забытое, родное. Обаянию песни прежде всех поддались подвыпившие и пьяные: они трясли головами, косили набок рты, всхлипывали. Старушки устремляли усталые глаза вниз, жевали губами, вздыхали. Влюбленные девушки и молодые люди брались за руки, смотрели друг другу в глаза, как в волшебное зеркало, и, внимая песенным голосам, таинственно улыбались.

Юсуповский рябик остановился посреди реки, а песня плыла, плыла:

Как возговорил добрый молодец:

«Где ж любовь твоя, душа-девица?

Ты зачем мое сердце вынула,

А сама дала обещаньице

Моему врагу быть женой навек?..»

— Мочи весла! Приналяг! — скомандовал барчонок.

Рябик пошел к Васильевскому острову, к пристани купеческих иностранных кораблей. Там иноземные гости торгуют разными диковинками.

Вот сюда-то, в этот любопытный уголок столицы, и отправилась ради развлечения внуков старая княгиня Юсупова.

Сюда же катил на своих кровных рысаках и богач Барышников. Ему хотелось подобрать какой-нибудь любопытный презент для Алексея Григорьевича Орлова; с пустыми руками являться просителем в графский дом дело неподходящее.

На пристани Васильевского острова — как на ярмарке. Не один десяток больших и средних парусных кораблей под иностранными флагами был пришвартован к деревянной, из рубленых ряжей, набережной. Все палубы и берег завалены бочками с рыбой, икрой, сливами, маслинами, виноградным вином, английским эльбиром, олифой. Тут же лежали штабелями джутовые мешки с сахаром, рисом, орехами. Поверх штабелей, прикрытых сложенными парусами, спали в разных позах утомленные ночной гулянкой матросы. На скатанных в круг просмоленных канатах, на кнехтах сидели, покуривая трубки, или прохаживались по палубе караульные боцманы и вахтенные.

Сегодня воскресенье — выгрузки нет, трюмы заперты на замки, ключи у хозяев. Хозяева либо пьют вино с русскими купцами в своих каютках, либо толкуются среди гуляющей публики.

Пахнет соленой рыбой, смолой, олифой, сыростью, перебродившим вином.

На поверхности воды играют солнечные блики.

На пристани и на берегу, под вековыми дубами с молодой листвой, идёт торговля. Чернобородые греки и кудрявые, оливкового цвета, итальянцы продают разноцветных попугаев, крохотных, с грецкой орех, изумительного оперения колибри, одетых в теплые кофточки мартышек, шимпанзе, тропические растения, ароматические снадобья и прочие редкостные вещи. А вот моряки-голландцы с бритыми лицами и курчавыми рыжеватыми бородами, растущими от уха до уха

из-под нижней челюсти. Они в кожаных жилетах, в кожаных с наушниками шапках, в коротких штанах, белых чулках и грубых, неизносимых туфлях с толстыми подошвами. Голландцы торгуют небольшими сочно написанными натюрмортами в золоченых рамах, а также шоколадом, жирными селедками в стеклянных бочоночках, кружевами, отрезами тончайшего голландского полотна. Ряд иноземных моряков-спекулянтов растянулся почти на версту — шведы, датчане, норвежцы, англичане, турки в красных фесках. У каждого приколот к шапке или к куртке ярлык с правом на розничную торговлю. Коммуникационные столичные комиссары, проверяя ярлыки, не упускают случая воспользоваться от торгующих матросов мелкой взяткой.

Многочисленная гуляющая публика покупает диковинки с большой охотой, они приятны и недороги.

Какой-то франтик купил тросточку с рукояткой в виде обнаженной женщины; группа офицеров с хохотом рассматривает и покупает гравюры, изображающие «секретные акты» любви, соборный протоиерей подбирает по глазам очки: наденет и, морща нос, заглянет в страницы карманного евангелия. Купчиха сторговала ларчик, оклеенный цветными ракушками; монашенка соблазняется кипарисовыми образками с Афон-горы; пьяный немец-булочник с Невского проспекта ищет шнапсу, из карманов его белой куртки торчат две терракотовые фляги рижского бальзама. Большим спросом пользуются апельсины и финики в стеклянных банках.

Обе стороны объясняются знаками, мимикой или пишут цену на бумажке.

Барышников хотел купить огромного страуса, что тоскливо стоял привязанным за ногу к дереву, но подошел бывший царский денщик Митрич, узнал, что страус предназначается в подарок графу Алексею Орлову, и отсоветовал:

— Не примут-с... Они не таковские!

Барышников сказал:

— Хотелось мне попугайчика говорящего купить, да все неподходящие, лопочут не по-русски.

— Да, да! — ответил Митрич, поглядывая на сотни клеток с шумно кричавшими на все лады попугаями. — Вот ежели бы найти такого попугая, чтоб поматерно ругался... Холостые господа ругательных птичек сильно уважают. Знавал я такую птаху у графа Захара Григорьевича Чернышева. Она птичка могла выражаться на двенадцать ладов. Она, бывало, матерится, а господа от хохота чуть на пол не падают.

— Кто же обучал-то ее? — спросил всерьез заинтересованный Барышников.

— А её отдавали в науку олонецким пильщикам в ночлежку.

Барышников, пробиваясь локтями через толпу, отвел Митрича в сторону, разъяснил ему цель предстоящего визита к Орлову и показал ему изумительной работы небольшой черепаховый, с золотой инкрустацией, ларчик.

— Ужели и этот не примет?

— Не примут.

— Ну, а коль я сей ларчик золотыми червонцами набью?

— Они в деньгах не нуждаются... Что им деньги? Толкнитесь-ка вы, батюшка, лучше к братцу их, к Ивану Григорьичу. Братец и даяние ваше примет и дело с вами сделает. Таково мнение мое... А впрочем, вам видней.

— Гм, — сказал Барышников, — надо подумать. А ты что тут, Митрич?